

Д. Ведробисели

Семейное событие

Д. Ведробисели
Семейное событие

«Public Domain»

1902

Ведробисели Д.

Семейное событие / Д. Ведробисели — «Public Domain», 1902

Рассказ из грузинской жизни. «В холодное зимнее утро, когда на дворе бушевала снежная буря, в сонной усадьбе князя Реваза Коблашвили неожиданно поднялась суматоха. Княгиня Нина, находившаяся в последнем периоде беременности, внезапно почувствовала приближение родов. Моментально вся челядь князя высыпала из кухни: Максимэ, низкорослый мужик с рыжей бородой, одетый в какую-то рвань и дырявые лапти, вывел из буйволятника единственную лошадь помещика и поскакал за сельской повитухой Сабедой...»

© Ведробисели Д., 1902

© Public Domain, 1902

Содержание

I	5
II	7
Конец ознакомительного фрагмента.	8

Д. Ведребисели

Семейное событие

(Рассказ из грузинской жизни)

I

В холодное зимнее утро, когда на дворе бушевала снежная буря, в сонной усадьбе князя Реваза Коблашвили неожиданно поднялась суматоха.

Княгиня Нина, находившаяся в последнем периоде беременности, внезапно почувствовала приближение родов.

Моментально вся челядь князя высыпала из кухни: Максимэ, низкорослый мужик с рыжей бородой, одетый в какую-то рвань и дырявые лапти, вывел из буйволятника единственную лошадь помещика и поскакал за сельской повитухой Сабедой.

Хромой Симона, лето и зиму носивший дырявую солдатскую шинель, опоясанный тряпками, принялся колоть дрова, а слабоумный Павлэ, всю жизнь скорбевший об уничтожении крепостного права, с огромным глиняным кувшином на спине, побегал к реке за водой.

Крестьянские женщины, соседки помещика, призванные экстренно, хлопотали в большой комнате, в которой главным образом и жила вся семья Коблашвили: они выметали сор, прибирали постели, тахты, устанавливали порядок; другая смежная комната зимою стояла без употребления, ибо ни деревянного пола, ни потолка, ни штукатурки в ней не было, хотя дом был построен назад тому лет пятнадцать.

Старая княгиня Сидония, мать Реваза, смуглая женщина лет 60, с большими черными глазами, среднего роста, одетая в черное платье и повязанная белой коленкоровой косынкой, сидя на корточках в темном углу, рылась в сундуке, обитом зеленой разрисованной жестью, и тихо ворчала.

– Сколько раз я говорила, что детское белье должно быть на своем месте! Ну, где же оно? Это... сорочки Реваза, это... кофта Нины, а это... старые мешочки для огородных семян. Скажешь что-нибудь – сейчас надуется, как бурдюк, а не скажешь – никакого порядка нет в доме.

Эти слова Сидония адресовала к невестке, которая, охая от болей, медленно двигалась по комнате, на этот раз не обращая внимания на обычную воркотню свекрови.

– Барыня, нет-ли там, в сундуке, чистой простыни? Эта, видите, какая! – досадливо сказала старая служанка Мариама, косоглазая старуха, стоя над Сидонией с простыней не первой свежести в руках.

– Желтая какая! – робко вставила Нина, на миг остановившись перед обеими женщинами и устремляя взор на простыню.

– Да ведь коленкоровое белье всегда желтеет, особенно, когда плохо выстирают его, но что же делать? Полотняных простынь нет в нашем доме, принесла бы с собою в приданое! – уязвила Нину Сидония, не поднимая головы.

Нина была из старой дворянской, очень бедной семьи и вышла замуж без приданого.

Сидония, когда-то мечтавшая путем выгодного брака Реваза поправить их расстроенные дела, все еще не могла примириться с тем, что невестка – бесприданница, и постоянно корила ее, даже в эти минуты мучительных физических страданий.

Нина не сказала ни слова свекрови; она только подняла свои прелестные голубые глаза, полные ожидания и тревоги, грустно обвела комнату, оклеенную дешевыми серыми обоями, и,

сдвинув от обиды и боли темные, тонкие, словно кистью художника выведенные брови, отвернулась от свекрови.

Но, сделав два шага вперед, она опустилась в глубокое протертое кресло, кусая губы.

Мариама с жалкой гримасой на лице, сочувственно поглядывая на Нину, сбросила выцветший ковер с небольшой тахты, стоявшей в углу, и приготовила ей постель.

– Поди на кухню, Мариама, узнай, сколько кур закололи? – обратилась Сидония к служанке, все еще продолжая рыться в сундуке.

– Двух закололи, третью ищут, она, кажется, в сад перелетела, мальчика туда послали, – тихо ответила Мариама, обминая огромные пуховые подушки.

– Не знаю, хватит-ли хворосту? Надо протопить печь, а, поди, ни одного чурека нет в ящике, – заботливо говорила другая служанка, ни к кому из присутствующих не обращаясь. – Народу много будет, следовало бы всем запастись.

– Не представляю себе, кому охота ехать к нам в такую погоду?! Погляди в окно, что делается на дворе! – томно возразила ей Нина, указывая на занесенные снегом окна и едва вставая с кресла.

– Не беспокойся! все приедут! – сказала Сидония невестке.

– Ох! Какое мученье рожать при людях! – с негодованием воскликнула Нина, расстегивая платье:

– Этот обычай не нами заведен и не мы его искореним! – обидчиво возразила свекровь.

В это время вошел с докладом маленький оборвыш-слуга:

– Пастух прислал сказать, что без денег не может отпустить сыру.

Сидония повернула к слуге свое недовольное лицо и с презрением сказала ему:

– Ишь, как нынче испортился народ! Не могут в кредит отпустить сыру! Поди, поищи барина, доложи ему; он расправится с пастухом!.. А ты вот что: свари крахмал, достань из шкафа сахарной бумаги, оконные рамы надо заклеить... Круглые подушки, которыми заткнуты окна, положи на длинную тахту, гостям понадобятся... Да вот еще что, – добавила Сидония – скажи там людям, чтобы они снег смели с балкона; ну, отправляйся, живо!

Между тем, у Нины боли усилились; невыносимые страдания исказили её лицо: молодую женщину раздели и уложили в постель.

А по сельской дороге, ведущей в деревушку Зеленый Овраг, принадлежавшую князю Ревазу Коблашвили, на одной лошади ехали двое: спереди на седле Максимэ, а позади него сельская повитуха Сабедо, закутанная так старательно, что только глаза были видны; оба ехали молча, мокрые холодные, обсыпанные пышными хлопьями снега.

II

В нескольких шагах от деревянного домика Реваза с покривившимся балконом и полуразрушенными перилами под старым вязом, покрытым снегом, стояли три пустые арбы с опущенными к земле ярмами.

Снег, мягко падая на землю, усердно белил колеса их, дно и перекладины.

Чужие и хозяйские слуги толпились в дымном и теплом буйволятнике, греясь перед жарко натопленным камином.

Душно и тесно было в комнате, где лежала роженица.

Это была большая комната с низким и грязным потолком, некрашеным полом, в три небольшие окна, обращенные к лесу, обставленная, как обставляют свои дома небогатые обитатели медвежьих углов Грузии: тахты, сундуки, потемневшие от времени и грязи, стулья с протертыми, местами изорванными сиденьями и спинками, с которых давно слезла краска, так как спинки эти служат вешалками для мокрых полотенец.

На широкой и длинной тахте, покрытой персидским выцветшим паласом и сверху длинным узким и белым узорчатым войлоком, кучками сидели только что приехавшие к родинам гости, родственницы хозяев дома или соседки по имению, и весело болтали, не взирая на Нину, которая с искаженным от страдания лицом металась в постели, на тахте, поставленной в углу. Повитуха, сидя на краю постели, полотенцем вытирала ей влажное лицо.

– Кажется, княгине Вифимии не дали знать, что Нина рождает... Обидится она на Сидонию, – перебирая янтарные чётки, вполголоса сказала княгиня Като княгине Софье.

– Представляю себе, как она будет бранить их, – шепнула Софья Като: – напрасно ее обошли, она им век этого не простит, – добавила она, глазами указывая на Сидонию, хлопотавшую около постели роженицы.

– Муж ей привез из Тифлиса чудные платья, – говорила на другом конце тахты молодая женщина с родинкой на левой щеке, обернувшись к своей соседке, пожилой даме с белокурыми локонами.

– Еще бы! Он, говорят, десять лет грабил уезд; есть на что баловать молодую жену.

В это время мальчик лет пяти бросился на свою младшую сестренку и вырвал у неё из руки куриную ножку; девочка взвизгнула, завязалась драка, но вдруг они побледили и смолкли: их испугал за душу хватавший, протяжный крик роженицы. Другие дети, так еще недавно шумевшие около Нины, теперь притихли и растерянными глазенками смотрели на нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.